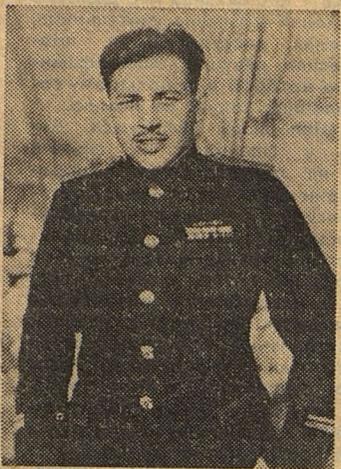

Григорий Поженян родился в 1922 году. С 1939 года служил на флоте, где и встретил начало Великой Отечественной войны. Участвовал в ряде десантов, высаживался в Керчи и Новороссийске. Участник обороны Одессы и Севастополя. Закончил войну в Белграде. Имеет 22 правительственные награды, среди них ордена Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды.

Григорий Поженян:

КАЖДЫЙ ПАТРОН НА СЧЕТУ

Беседовать с поэтом, стихи которого хорошо знаешь, трудно.

О чем спрашивать?

На те вопросы, что были и есть у тебя, он отвечает своими стихами.

Биографические вехи?

Да, они важны. Впрочем, их тоже можно заметить и выделить в стихах, если эти стихи продиктованы необходимостью. Эти вехи, как сваи, на которых держится прочный, надежный причал. С таким причалом я бы сравнил поэзию Григория Поженяна.

Поженян пишет о море. О войне. О любви.

Год назад ему исполнилось шестьдесят. А стихи дышат молодостью, свежестью и силой, и горькая мудрость лет придает строкам своеобразную гармонию, служит фильтром, сквозь который не проходит ни бездумный оптимизм, ни мрачное отрицание радостей жизни.

Мы разговариваем с Поженяном. Вернее, одновременно и параллельно как бы проходят два разговора, потому что за каждым ответом сидящего рядом со мной коренастого, крепкого, улыбающегося человека следует эхо его поэтических строк. Он вспоминает о своем детстве и говорит: «В детстве я больше занимался боксом, чем писал стихи». А мне слышатся строки его стихотворения «Ближний бой»: «Еще мальчишкой, жившим в мире книг, с тревогой сняв рубаху, нырнул я под канат на яркий ринг, идя навстречу страху». Он рассказывает о своих друзьях, погибших при обороне Одессы, и я понимаю, что многое знаю о них, потому что было написано

стихотворение «1942 год»: «...Я ранен был. Я был убит под Одессой».

Но там же, под Одессой, Поженян, наверное, и родился как поэт, для которого самой главной стала тема памяти и верности.

— Война для меня, как и для многих других, несмотря на свою нечеловеческую жесткость, в каком-то смысле самое значительное время, — говорит Поженян. — Все было по большому счету, война словно счищала ржавчину с человеческой души. В памяти остались лица, жесты, голоса многих, кто был рядом со мной и делился своей мудростью, добротой, отрешенностью от недостойной человека суеты. Главными своими стихами я считаю стихи об улье Пастера: «Тех, кто погибли, считаю храбрее». Когда я смог это сформулировать, мне стало легче жить.

Долг перед павшими — эта тема постоянно звучит в творчестве Поженяна. Звучит и печальным реквиемом, и светлой нотой торжествующей жизни, за которую заплачено такой дорогой ценой крови, страданий, слез.

В разговоре поэт часто возвращается к прошлому, идет ли речь о его стихах, песнях или фильмах.

— Я всю жизнь вроде бы распыляюсь. Написал шесть сценариев, по ним поставлены фильмы. Одну картину — «Прощай!» — поставил сам. Вышли восемнадцать книг стихов. Появилось больше пятидесяти моих песен. Выступал с очерками в центральных газетах и журналах. Все шло к одному — я рассчитывался за свою судьбу. Я, может, потому и стал писателем, чтобы внести свою леп-

ту в создание общего памятника тем, кого уже нет. В фильме «Поезд в далекий август» я собрал всех, с кем вместе воевал под Одессой. Морьяк-разведчик, в котором много от меня самого, играл Армен Джигарханян. В конце фильма звучат важные для всех нас слова, которые завещал адмирал Азаров: «Называй, называй имена всех погибших героев... Может, живы их жены, матери и внуки. Пусть гордятся этими людьми и носят их фамилии». И в самом конце фильма звучит множество фамилий. Я назвал их и тем хоть частично выполнил свой долг.

Я слушаю размышления поэта и не прерываю их. Уроки военных лет, уроки мужества и чести — они на все времена.

— Все, к сожалению, меряю войной, — продолжает Поженян. — Там была такая ясность, такая дружба, такая проверка достоинства, храбрости и чести. Там было так невыносимо тяжело и так невыразимо легко. Там столько раз после ранения я клялся себе, что больше не пойду в разведку, а вернусь на свой корабль, где тепло, светло и умирать легче среди такого множества людей... И снова шел в разведку.

И хотя я пишу: «Ох уж эта клятая война, и не отошла, не обмелела. Как земля безмолвная, она и живым, и мертвым надоела» — все равно, никогда я не ощущал такой всеобщности скорби, такой высоты духа, такой необходимости подвига. Я влюбился в свою землю, отвоеванную и защищенную ценой жизни лучших, и мне этой любви хватит до конца.

Через три года после войны появились первые публикации Поженяна. Затем учеба в Литературном институте, знакомство с людьми, которых поэт называет учителями.

— Ученики — понятие в какой-то мере искусственное, — замечает Поженян. — Учитель не тот, кто учит тебя писать стихи, а тот, кто учит жить. Моими учителями были Антокольский, Олеша, Светлов. Олеша учил меня, как надо уметь слушать. Есть ведь поэты, которые слушают только себя, а потом вообще перестают слышать. А слово должно звучать, его надо найти и поставить на место. Вот таким умением обладал Олеша. А еще он был уникальным писателем.

Антокольский заражал своей добротой, он порой восторгался стихами, как ребенок. «Это правда ты написал?» — спрашивал он. Умел радоваться и чужой строке, чужой удаче. Павел Григорьевич был человеком высочайшей культуры. Я навсегда запомнил его доброжелательный совет: «Если любишь кого-то, знай о нем все и постарайся написать о нем». Он и сам всегда следовал этому правилу в отличие от многих людей, дающих весьма правильные и дельные советы, но живущих совсем по иным принципам.

Светлов написал на одной из подаренных мне книг: «Поженянчику, чтобы помнил и любил». Я помню его и люблю. Этот человек, казался бы, внешне расслабленный, учил меня мужеству. Однажды, уже будучи обреченным, он позвонил мне из больницы и попросил

заехать на такси. Мы долго колесили по Москве, с которой, как я уже понял потом, он прощался. А был спокоен, полон достоинства, говорил о стихах, о женщинах, вспоминал старых друзей... Говорил о чем угодно, только не о смерти.

А если говорить о литературных влияниях, то в разное время возникает интерес к разным поэтам. И не только лично у тебя, но и у общества в целом. Сейчас, например, наметился интересный поворот в сторону Маяковского. В наше суровое и удивительное время за длинным столом поэзии никому не должно быть тесно. Было бы ощущение общности и необходимости, и тогда, как на войне, каждый патрон на счету.

— Вы назвали наше время суровым и удивительным. Очевидно, и сегодня от настоящего поэта требуются мужество, готовность к риску. Или эти качества не так уж важны?

— Вопрос о том, что нужно человеку, чтобы чувствовать себя человеком, перекликается с вечным вопросом о смысле жизни, о человеческом предназначении. Каждый решает его в первую очередь сам, для себя. Так рождается позиция. Но суть в том, что ее нужно порой отстаивать и любой ценой защитить. Вот где требуется мужество, и не меньшее, чем на войне.

Там, на войне, ты защищал многих, там ты был не один.

Здесь порой ты временно остаешься один.

Там ты был прав наверняка.

Здесь ты только приближаешься к истине.

Заслонить себя самого сложнее, чем заслонить другого. Но заслонить другого — значит заслонить главное в себе. Риск, мужество, отвага в мирное время дорогого стоят.

— Позади — война, встречи со многими замечательными людьми, книги, накопленный опыт, состоявшаяся судьба... Все, кажется, взвешено, все решено. Или это только на первый взгляд, и никогда не решить главных вопросов даже в собственной жизни?

— Никогда. Вот сейчас думаю о том, что нужно научиться стареть. Стареть, оставаясь молодым, — дело сложное. И воз может оказаться не по плечу, и ночь, и сомнения — хватит ли силы для реализации замыслов... Но рисковать нужно. Разрывы, неудачи, спокойное отношение к мыльным пузырям почестей — тоже наши учителя.

Главное — работать, а не суесться и не бежать впереди Паниковского, который прижмает к груди краденого гуся.

— Тогда — вопрос о работе. Что впереди?

— Что мне осталось сделать? Начать и кончить. Ничего по сути дела еще не написано. А жизнь — на исходе. Вот это страшно. Только в морях утешение. Там я пишу много. Моря потяжелели, и плавать трудно, если уплыть всерьез и надолго. Но вот ухожу на четыре месяца. Сначала — на Шницберген в бухту Магдалена, до 81° северной широты, на границу вечных льдов, а оттуда и в Атлантику, и в Средиземное на «Казахстан», суперлайнере, со старыми друзьями и многоопыт-

ным капитаном Евгением Балашовым. Не скажу, на что замахнулся, не взглянуть бы...

Недавно в издательстве «Современник» вышла моя восемнадцатая книга — «Погоня». Не мне о ней судить, хочу только сказать, что моряк я или нет, разведчик или нет, — это все внешние признаки судьбы, форма существования. А сущность ее, все, что я принимаю и что отвергаю, что я люблю и что ненавижу, — все это в книгах.

На днях отнес в издательство новую книгу стихов — итог работы последних лет. Назвал ее «Погружение». И еще об одной важной для меня книге хочу сказать. Это сборник «Надеюсь, люблю и верую», куда вошли многие песни, созданные совместно с композиторами А. Петровым, Э. Колмановским, А. Эшпаем, М. Таривердиевым. Сборник вышел в издательстве «Советский композитор».

— Наверное, поэтом нельзя стать случайно. И, судя по тому, что сделано и что задумано, форма и суть вашей судьбы находятся в единстве.

— Пожалуй, вопреки многим жизненным обстоятельствам я все же занимался своим делом. Так меня учил отец. Однажды, еще мальчишкой, я добрался до его часов и разобрал их. Отец появился тогда, когда, разобранные, они лежали на столе. «Можешь собрать?» — спросил он. «Нет», — честно признался я. «Никогда не занимайся не своим делом!».

Стараюсь не забывать этих слов.

Беседу вел
А. ЮРИКОВ.